

УДК 314:008

Этническое самосознание у коренных малочисленных народов на рубеже XX–XXI вв.

М.М. Бояринова

Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия

Slava1982_@rambler.ru

Статья поступила 29.09.2014, принята 18.11.2014

В статье освещаются основные особенности этнического самосознания коренных малочисленных народов на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: этническое самосознание; коренные малочисленные народы; принцип национального возрождения.

Ethnic self-consciousness among indigenous minority at the turn of XX–XXI centuries

M.M. Boyarinova

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

Slava1982_@rambler.ru

Received 29.09.2014, accepted 18.11.2014

The article deals with main peculiarities of the ethnic self-consciousness among indigenous minority at the turn of XX–XXI centuries.

Key words: ethnic self-consciousness; indigenous minority; principle of national revival.

Россия на две трети северная страна. Суровость природно-климатических условий, ограниченность транспортной доступности на огромных пространствах периферии, исторически слабое развитие социально-бытовой инфраструктуры почти на всей территории российского Севера во многом определяют качество жизни в целом и первейшие социальные потребности населения, в том числе этнического. В Федерации проживают 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, ка-

ждый из которых насчитывает менее 50 тыс. человек.

В соответствии с законодательством РФ к коренным малочисленным народам относится население территорий традиционного проживания, сохраняющее самобытный уклад жизни и осознающее себя самостоятельными этническими общностями. Наряду с отличительными социальными характеристиками и специфическим культурным обликом, главная особенность народов Севера — сохранение традиционных систем жизнеобеспечения и прежде всего форм хозяйст-

венной деятельности (оленоводство, охота, рыболовство и собирательство). В свое время народы Севера не создали классовых обществ, что наложило отпечаток на все формы их социальной и культурной жизни, включая наличие родоплеменной структуры и древних форм религии.

В конце XX — начале XXI в. произошел рост этнического самосознания малочисленных народов, возникли общественные объединения, учебные центры, ассоциации и профессиональные союзы (оленоводов, морских зверобоев и др.), деятельность которых получает поддержку государства [2]. Во местах проживания этнических меньшинств воссозданы общины как традиционные формы организации совместной деятельности, распределения продукции и взаимопомощи. В ряде случаев созданы «родовые угодья» — территории традиционного природопользования регионального и местного значения, закрепленные за представителями малочисленных народов и их общинами.

Народы Севера были выделены в особую группу в середине 1920-х. Утвержденный список включал представителей 26 национальностей, которые вначале именовались в официальных документах как «туземцы, племена, населяющие северные окраины», «народности и племена северных окраин» и т. п. Позднее за ними на долгие годы закрепилось наименование «малые народности Севера» [3]. Если представить некую иерархическую лестницу в национальной структуре государства, то малые народности Севера стояли за «просто» народностями, затем шли национальные группы и этнические меньшинства [4]. Столь высокое статусное положение этой весьма немногочисленной группы народов объяснялось особенностями их этногенеза. В отличие от национальных групп и этнических меньшинств, все они формировались как этнические общности на местной аборигенной основе, были исконными, коренными жителями своей территории.

Первоначально в официальный список народов Севера входили алеуты, долганы, ительмены, кеты, коряки, манси, нанайцы, негидальцы, ненцы, нганасаны, нивхи, ороки, орочи, саамы, селькупы, тофалары, удэгейцы, ульчи, ханты, чуванцы, чукчи, эвенки, эвены, энцы, эскимосы и юкагиры. В 1993 г. к официально признанной категории на-

родов Севера были причислены еще четыре южносибирских народа (этнических группы) — кумандинцы, телеуты, тывинцы-тоджинцы и шорцы. 24 марта 2000 г. постановлением Правительства РФ был утвержден единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, который в настоящее время включает в себя 45 народов [8].

Общая численность коренных малочисленных народов Севера составляет чуть более 200 тыс. человек, что составляет всего 2 % населения территорий, на которых они проживают. Самый крупный по численности народ — ненцы (34 тыс.), самые малочисленные — энцы (189 чел.) и ороки (179 чел.). Народы Севера живут на территории 29 субъектов РФ, при этом 80 % из них сосредоточено в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском, Таймырском (Долгано-Ненецком) и Чукотском автономных округах, в Камчатской области, Хабаровском крае и Республике Саха (Якутия). Подавляющее большинство народов Севера (около 75 %) — сельские жители. В отдельных субъектах РФ их доля не превышает в среднем 1–2 % от всего населения, но в сельской местности этот показатель выше — около 19 % [2]. Во многих национальных селах и поселках общины этих народов стали единственными хозяйствующими субъектами, выполняющими ряд социальных функций. В соответствии с законодательством Российской Федерации общины как некоммерческие организации пользуются рядом льгот и используют упрощенную систему налогообложения.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность всех коренных малочисленных народов Севера выросла, хотя много меньше, чем в 1989–2002 гг. Однако в целом по стране население сокращается, и небольшой численный прирост коренных малочисленных народов на этом фоне выглядит более внушительно [5]. Однако при более детальном изучении итогов переписи становится очевидно, что прирост отмечен далеко не у всех народов, а только у четырнадцати; у 24 — наблюдалось сокращение численности. В прошлый межпереписной период увеличилась численность 18 народов, а уменьшилась только у 10. Иными словами, налицо явное ухудшение ситуации [5].

Говоря о представительстве коренных малочисленных народов Севера в регионах

России, надо сказать, что уже второе десятилетие они концентрируются в районах основного расселения: в 1989 г. вне «своих» регионов жили 6,7 % коренных малочисленных народов, в 2002 г. — 4,3, в 2010 — 3,4 %. Урбанизированность коренных северян растет, хотя по-прежнему намного ниже, чем в среднем по стране: в 2002 г. в городских поселениях жили 30,3 % коренных малочисленных народов Севера, в 2010 г. — 32,5 %. Причем народы, присоединившиеся к коренным малочисленным народам в 1990-х, урбанизированы больше, чем народы списка 1989 г. («старые» народы Севера) — 41 % против 31 % [5].

Если же брать отдельные регионы, то из 26 территорий, где есть о северных народах, прирост их численности зафиксирован в семи (республики Алтай, Бурятия, Саха-Якутия, Хакасия, Тюменская и Магаданской области и Чукотский автономный округ), в остальных коренные народности сократились, особенно сильно в республиках Тыве, Коми и Карелии, Томской и Ленинградской областях.

Перепись 2010 г. отметила отрицательный демографический прирост у большей части коренных малочисленных народов во всей стране и в большинстве районов их расселения, однако общее число представителей этих этнических групп несколько увеличилось. Возможно, это связано с проведением определенной политики в каждом регионе. В частности, если проанализировать прирост в Республике Бурятия и Иркутской области, то заметно, что в Бурятии этот показатель значительно выше, что объясняется различными целевыми программами, действующими в данном регионе для поддержки коренных малочисленных народов.

Важным этапным рубежом в новейшей истории народов Севера стал 1990 г., когда состоялся первый съезд малочисленных народов, образовавший Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, позднее переименованную в Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. На местах повсеместно возникли ее территориальные и этнические подразделения. С первых дней своего существования общественные организации народов Севера активно включилась в общественно-политическую жизнь Российской Федерации.

Главный принцип национального возрождения заключается в единстве традиций и прогресса. В XX в. повсеместно сложилось убеждение, что прогресс — это переход от традиционного к индустриальному обществу, но именно XX в. показал, что модернизация, отрицающая традицию, обречена на провал. Ярким примером тому служит нынешнее состояние малочисленных народов России. Насильственно навязанный им переход к урбанизированному обществу, радикально изменивший традиционный образ жизни, разрушивший национальную общность и этническое своеобразие, стал, в конечном счете, главной причиной их современных проблем.

Этническое возрождение применительно к малочисленным народам имеет свои особенности. Наибольшую актуальность в современных условиях имеет для них эколого-экономический аспект. Вырубка лесов, загрязнение водоемов промышленными отходами, деградация оленьих пастбищ создали реальную угрозу существованию традиционных отраслей хозяйства, следовательно, и самих малочисленных этносов.

В 1999–2001 гг., после долгих обсуждений были приняты три федеральных закона — «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» [6], «Об основных принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» [7] и «О территориях традиционного природопользования» [1]. Все это позволяло надеяться на улучшение жизни северных этносов в России.

Тем не менее, с начала 1990-х годов средняя продолжительность жизни коренного населения Севера у мужчин составляет 41–42 года, у женщин — 61 год, что ниже, чем в среднем по России, на 16–17 лет и на 25 лет по сравнению с Северной Европой [10].

Тем временем, в связи с всеобщим социально-экономическим кризисом в стране, условия проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов Севера, охрана их здоровья, развитие образования, культуры катастрофически ухудшились. Положение усугубляется объективной неприспособленностью образа жизни и этнических ценностей этих народов к условиям формирующегося рынка в его практически нерегулируемых формах [3]. Развитие традиционных отраслей хозяйствования, степень занятости, качество и условия жизни

коренного населения вызывают серьезную тревогу.

Традиционное природопользование является основой жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера, которое, в свою очередь, ориентировано не на получение максимальной денежной прибыли, а на личное и семейное потребление, базируется на традиционных ценностях, специальных навыках и комплексном знании местной природной среды, использует малые технологии и распределяет конечную продукцию через традиционные системы обмена, то есть среди группы родственников и друзей. Эти особенности позволяют исследователям считать традиционное природопользование и жизнеобеспечение экологической основой устойчивого развития северных народов.

Сложившиеся в 1960–1980-х гг. государственные, государственно-кооперативные, промыслово-сельскохозяйственные формы хозяйствования — совхозы, рыбхозы, коопзверпрохозы, где было сосредоточено в основном традиционное природопользование народов Севера, — стали неспособны в условиях рыночных отношений в 1990-е гг. обеспечивать улучшение условий жизни занятого в них населения [4].

В целом можно констатировать, что коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, как и в начале XX столетия, вновь находятся на историческом перепутье или, точнее, на краю пропасти, за которым этническое исчезновение с национальной карты российского государства и человеческой цивилизации в целом.

Литература

1. Информационно-правовой справочник для общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс] // Правовой информационный Центр «Коголика» («Ласточка»): [сайт]. URL: www.kogolika.com/wp-content/uploads/2012/02/Справочник-200.pdf (дата обращения: 14.05.2014).

2. Кудашкин В.А., Янюшкин С.А. Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Иркутской области и Красноярского края во второй половине 1950-х-1991 гг.: моногр. Братск: Братский гос. ун-т, 2009. 172 с.

3. Кудашкин В.А. Процесс аккультурации у коренных малочисленных народов Восточной Сибири в условиях советской системы в 1920-1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. вопросы теории и практики. 2012. № 3-2. С. 102-105.

4. Кудашкин В.А., Бояринова М.М. Государственная политика и проблема адаптации эвенков Прибайкалья в XXI в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2 (32). С. 88-91.

5. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения – 2010: [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (дата обращения: 25.09.2014).

6. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федер. закон [принят Гос. Думой 16 апр. 1999 г.: одобр. Советом Федерации 22 апр. 1999 г.]. М.: Юридическая литература, 2003. 11 с.

7. Об основных принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон [принят Гос. Думой 6 июля 2000 г., одобр. Советом Федерации 7 июля 2000 г.]. М.: Юрид. лит., 2003. 8 с.

8. О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерация от 24 марта 2000 г. № 255 // Гарант информационно-правовой портал о гарантиях КМНС РФ: [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/181870> (дата обращения: 4.04.2014).

9. Суляндзига Р.В., Кудряшова Д.А., Суляндзига П.В. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс]. Обзор современного положения // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.raipon.info/narody/socialnoepolozhenie.html> (дата обращения: 28.04.2012).

10. Феденок Ю.Н. Коренные малочисленные народы Севера: проблемы современного развития (Аналитический обзор) // Этнокультурные процессы в России на рубеже XX-XXI веков. М.: ИНИОН, 2006. С. 125.